

Помоный графъ Соллогубъ написалъ двѣ повѣсти „изъ воспоминаній странствующаго актера“: „Собачку“ и „Воспитаницу“. Изъ намековъ автора и особенно изъ „Записокъ“ Щепкина, какъ извѣстно, написана (стр. 146) видно, что „странствующимъ актеромъ“ былъ только что названный знаменитый комикъ. Объ повѣсти написанъ, очевидно, съ его словъ, и при томъ, вѣроятно, безъ существенныхъ отступленій. По крайней мѣрѣ, въ „Собацкѣ“ графъ Соллогубъ, какъ говоритъ Щепкинъ, „не только ничего не упримѣнитъ, а многое напротивъ еще окрашиваетъ“. Въ этомъ можно убѣдиться, если сравнить разсказы графа Соллогуба о комичномъ эпизодѣ, разсмѣившемся въ Харьковскомъ театрѣ 15-го августа 1816 года, въ день представленія „Донъ-Жуана“, съ разсказомъ самаго Щепкина въ его „Запискахъ“. — Въ виду всего этого нельзя не придти къ заключенію, что и повѣсть „Воспитаница“, дѣйствіе которой происходить частью въ Харьковѣ („въ городѣ Х.“), частью на Темеиевской, т. е., вѣроятно, на Ильинской армякѣ въ Ромнахъ, (по переводу Ильинской армяки въ Полтаву харьковскіе актеры и актрисы переселились на дѣло въ Ромны) несомнѣнно воспроизводитъ одно изъ тѣхъ происшествій, свидѣтелемъ которыхъ довелось быть Щепкину во время его пребыванія на югѣ Россіи въ труппѣ, игравшей часть года въ Харьковѣ, а часть въ Полтавѣ. Въ этой повѣсти упоминаются всѣхъ подъ именами Шреина и Поневоскаго и старинные харьковскіе антрепренеры Штейнъ и Каландарскій, а это еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль, что слѣдующій разсказанный въ „Воспитаницѣ“, происшедшій въ Харьковской труппѣ. Не въ этомъ только заключается интересъ повѣсти для изученія харьковской театральной старины. „Воспитаница“ живо воспроиз-

водитъ замѣчательныя нравы и театральныя быты 20-хъ и 30-хъ годовъ, и въ этомъ отношеніи носитъ на себѣ явный отпечатокъ основательнаго знакомства съ театральными дѣлами въ провинціи, — знакомства, которое графъ Соллогубъ могъ приобрести только изъ разсказовъ Щепкина. Замѣтимъ кстати, что со словъ Щепкина писанъ не одинъ графъ Соллогубъ. Со словъ Щепкина, какъ извѣстно, написана также и повѣсть Герцена „Сорочка—воровка“, со словъ Щепкина написанъ Гоголь и разсказъ Чичикова о чернышнихъ и бѣлышнихъ. *
„Воспитаница“ — это печальная исторія несчастной дѣвушки, выросшей въ роскоши, привыкшей считать себя барышней, окруженной съ ранняго дѣтства нѣжными заботами и любовью, и внезапно—негаданно оставшейся безъ всякихъ средствъ къ жизни и принужденной поступить въ актрисы жалкой странствующей труппы.

Наташа была дочь графскаго камердинера Федора. Хорошенькая дѣвочка понравилась своей бездѣтной, романтически настроенной барынѣ, была взята ею „въ компанію“ и воспитана, какъ родная дочь. Съ каждымъ годомъ графиня прививалась къ ней все болѣе и болѣе и исполняла малѣйшее желаніе своей воспитанницы. Когда настало время выводить Наташу въ свѣтъ, графиня переехала въ городъ, и на ея вечерахъ и балахъ, украшеніемъ которыхъ всегда бывала красавица Наташа, собиравшая весь губернский beau monde. Чопорная барыня она была крѣпко на „холопку“, попавшую въ барыню, но когда увидѣла, что она развѣселяетъ въ шегольской каретѣ, одѣвается лучше нѣхъ собственнымъ дѣшевымъ и пользуется безграничною любовью богатой и знатной графини, то совершенно разчувствовалась, стала безсознательно лѣнкой молодой дѣвушкѣ, наводила справки о ея приданномъ и прочтѣе въ невѣстѣ для своихъ сыновъ. Это не мѣшало имъ въ то же время цѣлать языки на счетъ „воспитанницъ“, а „воспитаница“, ни-

чего не замѣчая, пѣла, танцевала, разсвѣдала противъ всякаго безчисленнаго множества сердецъ и отличалась въ домашнихъ спектакляхъ, приводя графиню въ восторгъ и своимъ голосомъ, и своей мясной игрой. Скоростѣнная смерть графини произвела рѣзкій переворотъ въ судьбѣ милой, беззаботной дѣвушки. Графиня не оставила духовнаго завѣщанія, а ея наслѣдники сочли извѣстныя псаботы обѣ ея воспитанницѣ, которой она хотѣла передать все свое состояніе. Губернскій beau monde, узнавъ, что Наташа осталась не при чемъ, сразу отвернулся отъ нея, и тѣ самыя помѣщики и помѣщицы, чиновники и чиновницы, которые прежде считали за счастье удостоиться ея улыбки, перестали узнавать Наташу.

„Грустно шла она однажды по улицѣ, поникнувъ головой; она чувствовала, что она лишняя на землѣ, что она ужъ никому не нужна и обременяетъ только собой пріотившее ее семейство. Съ ней встрѣтился тотъ старикъ, который воспитался нѣкогда ея драматическими способностями. Этотъ старичекъ былъ большой оригиналъ. Онъ прожилъ почти все свое состояніе на музыку, хотя самъ музыкъ не вналъ вовсе. Отъ сжухи, затѣялъ онъ въ деревнѣ оркестръ и, какъ русойскій человѣкъ, пристрастившійся къ одной мысли, забыть все прочее; ховяство его пошло вверхъ дномъ, но онъ о томъ и не заботился. Мужики играли на скрипкѣ, конторщики писали ноты, бурмистръ билъ тактъ, мальчики съ толотыми губами назначали для флейтъ и кларнетовъ, широкоплечіе—для фатовъ. Изъ Москвы выписывались и инструментныя, и капельмейстеры. Старичокъ поминутно соизвѣдалъ своихъ сосѣдей и радовался, какъ ребенокъ, когда вдругъ гдѣ нибудь, въ бесѣдѣ или въ густой рошѣ, будто бы неожиданно раздалась увертюра изъ „Клѣфа Вагдалакаго“ или „Толедскихъ Ойпповъ“. Мало по малу, настроившая доморощенныхъ артистовъ, онъ разстроилъ до того мѣлкіе, что принужденъ былъ обратиться своей оркестръ въ

рихъ Петровъ былъ человѣкъ трезвый, но, можетъ быть, оттого не было у него никакого дарованія. Этотъ Петровъ, поспавшій безсловесныя или самыя незначительныя роли, получалъ самое вѣдородное жалованье и служилъ помѣщикомъ для цѣлой труппы. Гимназистъ и Куличевскій всячески старались запутывать его въ словахъ, обижали поминутно съ толку, дѣлали ему изъ ва кулисъ равныя гримасы. Отъ этихъ шутокъ бѣдному Петрову приходилось иногда до слезъ. Женская половина труппы завязалась въ двухъ или трехъ старухъ бабахъ, похожихъ на кухарокъ, въ двухъ дѣвятицѣ лѣтнихъ дѣвочкахъ и въ трехъ мажорныхъ горничныхъ, которыя то и дѣло что сплетничали, толковали о любовныхъ интригахъ, о нарядѣхъ и о кушѣхъ. Главная изъ нихъ была дѣвица Иванова, которая, будучи недурна собой и въ большой чести до пріѣзжа Наташи, возненавидѣла ее съ перваго взгляда. Подобное общество не могло нравиться саротѣ. Она цѣлый день оставалась одна въ своей комнатѣ, включая, разумеется, времени репетицій. Актрисы и актрисы были очень недовольны ея холодною, но учтивымъ обращеніемъ. Одинъ гимназистъ пересталъ пѣнствовать, а Петровъ, удивленный незнакомой ему учтивостью, началъ ревностно предлагать ей, гдѣ только могъ, свои услуги. Это было поводомъ къ новымъ насмѣшкамъ. Петрову совѣтовали одѣвать Наташу своимъ наслѣдствомъ и отказать ей, по зашпавію, сребрянку табакерку, составляющую единственное достояніе бѣднаго комедіанта“.

Наконецъ, насталъ день дебюта. Театръ былъ переполненъ публикой. Весь городъ былъ въ сборѣ и Наташа, выйдя на сцену, увидѣла, что весь бельэтажъ занятъ ея прежними знакомыми, поклонниками и подругами. Благодарная, извѣщая, воздушная игра бѣдой дѣвушкѣ, ея неостатіе, ея красота—произвели впечатлѣніе даже на чопорныхъ блюстителейъ губернскаго общества il faut. Наташа превратилась въ рѣшительный фуроръ, и Иванъ Кузьмичъ только потиралъ руки отъ восторга, сразу сообразивъ, какія она ему будетъ дѣлать сборы. И Наташа дѣйствительно стала „дѣлать сборы“ къ величайшему удовольствію своего импресарио.

На дѣло труппа Иванъ Кузьмича отправилась развѣжать по армякамъ. Съ нею должна была заочевать и Наташа, связанная по рукамъ и ногамъ контрактомъ, который она подписала, не читая.
„Дней десять яряду штопала ридарскіе доспѣхи, испанскія мантіи и прочіи театральныя хламъ; чинили и подкрашивали декорации, вырѣзывали картоныя вещи и заготовляли парики. Когда все было готово, торжественный поѣздъ отправился шагомъ къ мѣсту своего назначенія.
„Дорога была несчанная. Солнце пылало; воздухъ былъ удручающъ. Наташа, изнуренная болѣзнями, лежала въ кабинѣтѣ, обтянутой рогожей, посреди двухъ старухъ въ душегрѣйкахъ. Лошадки правили Петровъ. Передъ ними шла одна въ своей комнатѣ, включая, разумеется, времени репетицій. Актрисы и актрисы были очень недовольны ея холодною, но учтивымъ обращеніемъ. Одинъ гимназистъ пересталъ пѣнствовать, а Петровъ, удивленный незнакомой ему учтивостью, началъ ревностно предлагать ей, гдѣ только могъ, свои услуги. Это было поводомъ къ новымъ насмѣшкамъ. Петрову совѣтовали одѣвать Наташу своимъ наслѣдствомъ и отказать ей, по зашпавію, сребрянку табакерку, составляющую единственное достояніе бѣднаго комедіанта“.

И въ армякомъ театрѣ Наташа привела въ восторгъ. При видѣ прелестной актрисы, ремонтерокъ сердца сошпавшіе, помѣщики выкрутили уомъ, даже нѣкоторые мужики разчувствовались. По окончаніи театра, всѣ музыканты изъ оркестра угасивались въ разныя углы города любящими губернскаго Донъ Жуанами, которые разсвѣдали притомъ, какъ бы поворачивались съ дѣвочкой Федоровой. Задѣтый за живое кутла начинается врать, споритъ и хвалитъ, увѣряетъ, что Наташа давно принадлежитъ ему, но что она это скрываетъ изъ застѣнчивости. Въ заключеніе онъ обѣщаетъ

однимъ актеромъ, который обѣщалъ на ней жениться“.

Наташѣ еще въ губернскомъ городѣ приходилось выслушивать циничныя намеки и грязныя предложенія, отъ которыхъ ей все кровь бросалась въ лицо, но все было имъ-то съ тѣмъ, что пришлось извѣдать несчастной дѣвушкѣ на армякѣ, гдѣ она имѣла неостатіе пльнѣтъ въ восторгъ, любовничать во время антракта за кулисами. Гимназистъ поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови. Дѣвица Иванова стояла подлѣ него, съ коварной улыбкой.

— Какія хорошенькія Наталья Павловна, сказала она:—просто, прелесть!.. ва то ужъ надо сказать... вѣдьмъ идривотъ.

„Гимназистъ не отвѣчалъ.
— Ужъ надо сказать... продолжалъ дѣвица Иванова,—какіе эти кавалеры остранные: на все готовы, только чтобы на овоемъ пооставать. Настоящая говоритъ да вѣдьмъ идривотъ. Петровъ кликнулъ ховялку, поручилъ ей раздѣтъ и уложить болѣзную, а самъ поблѣжалъ въ анкету, на послѣднія свои деньги купилъ бубны и ромашки, горячіе чайники съ ховячкой въ компанію бѣдой срадалницы, куда не охлѣзъ войтъ“.

Утромъ Иванъ Кузьмичъ явился къ болѣзной, измученной Наташѣ съ просьбою играть Офелію. Наташа сначала отказывается, соглашаясь на невдорозье, но Иванъ Кузьмичъ, опираясь на контрактъ, обезпеченный неустойками, дѣлается все болѣе и болѣе настоячивымъ и, наконецъ, добивается своего.

Въ день представленія „Гамлета“ театръ былъ биткомъ набитъ.

„Публика давно ожидала начала пьесы, но пьеса не начиналась... Наташа въ театрѣ еще не была. Иванъ Кузьмичъ, обтавнувъ свое дорожное въ черное трико, ходилъ въ болѣзномъ воиеніи на оперѣ, посмывая ежеминутно гонцовъ за оповѣдшей Офеліей. Наконецъ, Петровъ прѣблѣжалъ, за проклятиями, ругательствами и свѣрхрассловіями. И вдругъ, забывшись готовая и сейчасъ будетъ. Занавѣсъ совершенно, онъ ринулся на неостатіе подаянія. Иванъ Кузьмичъ началъ развѣдывать руками, восклицать, децодѣлауемъ что опровергаетъ нечистоты и притворно подѣлауемъ и съ неостатіеми упреками

панѣ рукоплесканіями. „Ай да актер!“ слышалось въ толпѣ, „собирается паря, и вся компанія немедленно направляется въ театръ.“

„Когда первое дѣйствіе кончилось, гимназистъ вышелъ поднимать на площадку, на которой находилось театральныи сарай. На дѣвятицѣ встрѣтилъ онъ разгнѣванную ватагу ремонтеровъ, идущихъ, по обыкновенію, любовничать во время антракта за кулисами. Гимназистъ поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови. Дѣвица Иванова стояла подлѣ него, съ коварной улыбкой.“

— Какія хорошенькія Наталья Павловна, сказала она:—просто, прелесть!.. ва то ужъ надо сказать... вѣдьмъ идривотъ.

„Гимназистъ не отвѣчалъ.
— Ужъ надо сказать... продолжалъ дѣвица Иванова,—какіе эти кавалеры остранные: на все готовы, только чтобы на овоемъ пооставать. Настоящая говоритъ да вѣдьмъ идривотъ. Петровъ кликнулъ ховялку, поручилъ ей раздѣтъ и уложить болѣзную, а самъ поблѣжалъ въ анкету, на послѣднія свои деньги купилъ бубны и ромашки, горячіе чайники съ ховячкой въ компанію бѣдой срадалницы, куда не охлѣзъ войтъ“.

Утромъ Иванъ Кузьмичъ явился къ болѣзной, измученной Наташѣ съ просьбою играть Офелію. Наташа сначала отказывается, соглашаясь на невдорозье, но Иванъ Кузьмичъ, опираясь на контрактъ, обезпеченный неустойками, дѣлается все болѣе и болѣе настоячивымъ и, наконецъ, добивается своего.

Въ день представленія „Гамлета“ театръ былъ биткомъ набитъ.

„Публика давно ожидала начала пьесы, но пьеса не начиналась... Наташа въ театрѣ еще не была. Иванъ Кузьмичъ, обтавнувъ свое дорожное въ черное трико, ходилъ въ болѣзномъ воиеніи на оперѣ, посмывая ежеминутно гонцовъ за оповѣдшей Офеліей. Наконецъ, Петровъ прѣблѣжалъ, за проклятиями, ругательствами и свѣрхрассловіями. И вдругъ, забывшись готовая и сейчасъ будетъ. Занавѣсъ совершенно, онъ ринулся на неостатіе подаянія. Иванъ Кузьмичъ началъ развѣдывать руками, восклицать, децодѣлауемъ что опровергаетъ нечистоты и притворно подѣлауемъ и съ неостатіеми упреками

панѣ рукоплесканіями. „Ай да актер!“ слышалось въ толпѣ, „собирается паря, и вся компанія немедленно направляется въ театръ.“

„Когда первое дѣйствіе кончилось, гимназистъ вышелъ поднимать на площадку, на которой находилось театральныи сарай. На дѣвятицѣ встрѣтилъ онъ разгнѣванную ватагу ремонтеровъ, идущихъ, по обыкновенію, любовничать во время антракта за кулисами. Гимназистъ поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови. Дѣвица Иванова стояла подлѣ него, съ коварной улыбкой.“

— Какія хорошенькія Наталья Павловна, сказала она:—просто, прелесть!.. ва то ужъ надо сказать... вѣдьмъ идривотъ.

„Гимназистъ не отвѣчалъ.
— Ужъ надо сказать... продолжалъ дѣвица Иванова,—какіе эти кавалеры остранные: на все готовы, только чтобы на овоемъ пооставать. Настоящая говоритъ да вѣдьмъ идривотъ. Петровъ кликнулъ ховялку, поручилъ ей раздѣтъ и уложить болѣзную, а самъ поблѣжалъ въ анкету, на послѣднія свои деньги купилъ бубны и ромашки, горячіе чайники съ ховячкой въ компанію бѣдой срадалницы, куда не охлѣзъ войтъ“.

Утромъ Иванъ Кузьмичъ явился къ болѣзной, измученной Наташѣ съ просьбою играть Офелію. Наташа сначала отказывается, соглашаясь на невдорозье, но Иванъ Кузьмичъ, опираясь на контрактъ, обезпеченный неустойками, дѣлается все болѣе и болѣе настоячивымъ и, наконецъ, добивается своего.

Въ день представленія „Гамлета“ театръ былъ биткомъ набитъ.

„Публика давно ожидала начала пьесы, но пьеса не начиналась... Наташа въ театрѣ еще не была. Иванъ Кузьмичъ, обтавнувъ свое дорожное въ черное трико, ходилъ въ болѣзномъ воиеніи на оперѣ, посмывая ежеминутно гонцовъ за оповѣдшей Офеліей. Наконецъ, Петровъ прѣблѣжалъ, за проклятиями, ругательствами и свѣрхрассловіями. И вдругъ, забывшись готовая и сейчасъ будетъ. Занавѣсъ совершенно, онъ ринулся на неостатіе подаянія. Иванъ Кузьмичъ началъ развѣдывать руками, восклицать, децодѣлауемъ что опровергаетъ нечистоты и притворно подѣлауемъ и съ неостатіеми упреками